

УДК 001 (091) (571.54)

ББК 72.3 (2Рос.Бур)

DOI 10.31554/2222-9175-2019-34-59-70

В. Д. Дугаров

ДОРЖИ БАНЗАРОВ И НАЧАЛО БУРЯТСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И БУРЯТИЕВЕДЕНИЯ

В статье отражены основные вехи жизни и научные достижения представителя казачьего сословия Доржи Банзарова, стоявшего у истоков становления научного монголоведения в России. Научные поиски бурятского ученого в середине XIX в. были посвящены проблемам неизвестного ранее российской и мировой ориенталистике шаманизма. Молодым исследователем были основательно проработаны материалы по истории шаманизма, буддизма, этнографии, филологии, фольклора, эпиграфики, проблемам перевода рукописных произведений с монгольского и других языков. Сформированный им комплекс научных знаний стал базовой основой в дальнейшем изучении историко-религиозного, философско-культурного, филологического наследия народов монгольской этносферы. Формирование Д. Банзарова как ученого проходило в императорской России под влиянием выдающихся востоковедов, и в первую очередь О. М. Ковалевского. Изучение Монголии связано с развитием монгольского языка, монгольской, бурятской письменности, основанной на классическом уйгуро-монгольском письме, основном письменном литературном языке бурят-монголов, что нашло отражение в филологической деятельности первого бурятского ученого.

Ключевые слова: монголоведение, бурят-монгольский этномир, шаманизм, буддизм, отечественная ориенталистика, филология, эпиграфика.

V. D. Dugarov

DORZHI BANZAROV AND THE BEGINNINGS OF MONGOLIAN AND BURYAT STUDIES IN BURYATIA

The articles presents the milestones of life and scientific evidence of a representative of the Cossacks Dorzhi Banzarov, who was one of the originators of Mongolian studies in Russia. Research of an outstanding Russian and Buryat orientalist of the mid. XIX century were devoted to problems of the shamanism which had been unknown to Russian and world orientalist study. A young Buryat scholar investigated little known Mongol studies works on history of Buddhism, ethnography, philology, folklore, epigraphy, problems of translation of manuscripts from Mongolian and other languages. He formed scientific foundation for further studies of historic-religious, philosophic-cultural, philological heritage of peoples of Mongolian ethnosphere. D. Banzarov's development as a scholar went on in the Russian empire under influence of the founders of Russian oriental studies first of all O. M. Kovalevski. Study of Mongolia and Mongolian-Buryat ethnic world promoted by D. Banzarov was connected with progress of Mongolian and Buryat oral and written language, based on classic Uighur written language.

Keywords: Mongolian studies, Buryat-Mongolian ethnic world, shamanism, Buddhism, Russian oriental studies, philology, epigraphy.

ДУГАРОВ Владимир Доржиевич – доктор исторических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова». E-mail: dugarovmgu@mail.ru.

Введение

В современной российской действительности отмечается пристальный интерес к монгольским народам, к славным именам российских ученых-востоковедов: Доржи Банзарова, Галсана Гомбоева, Епифана Сычевского, Афанасия Щапова, Алексея Бобровникова, О. М. Ковалевского, Матвея Хангалова, Гомбожапа Цыбикова, Ринчена Номтоева, Михаила Богданова, Цыбена Жамцарано, Агвана Доржиева, Базара Барадина, Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича др. Среди множества прославленных имен российских монголоведов особое место занимает Доржи Банзаров, чье имя по праву носит Бурятский государственный университет.

Многолетний научно-познавательный интерес к личности Доржи Банзарова обусловлен комплексом сложных исторических событий, в которых он принимал активное участие. Выдающийся монголовед Роберт Рупен отмечал: «Ряд обстоятельств, сложившихся в Кяхтинско-Троицкосавском районе (центре концентрации казаков), придавали ему специфический характер. Там в уникальной атмосфере просвещенности и интеллектуальности возникла благоприятная ситуация. Особая бурятская группа, официально классифицировавшаяся как «казаки», а не инородцы, могла посещать русские школы. Большой процент образованных бурят происходил из казачьих семей. Процесс роста светских знаний и изучения Монголии в первой половине XIX в. закономерно связан с именами Доржи Банзарова (Ашебагатского рода), Галсана Гомбоева (Атаганова рода), Иринчен-Нимы Ванчикова (Цонголова рода) и других» [2004: 17].

Родившийся в 1822 г. в улусе Нижний Ичетуй (бурят. *Дээдэ Үшөөтэ*) Джидинской долины Доржи Банзаров был в 1833 г. отдан в троицкосавскую русско-монгольскую школу. Доржи Банзаров был выходцем из Табангутского рода, его дед Баргон служил в Ашебагатском казачьем полку, а отец Баргонов Банзар был пятидесятником шестой сотни этого же полка, мать была Солиной Бардуева [Шофман 1966: 50].

Научное наследие

Накануне Великой Отечественной войны общественность республики отмечала 80-летие со дня смерти Доржи Банзарова. С докладами о первом бурятском ученом и значении его научного наследия выступали П. Т. Хаптаев «Доржи Банзаров», Ф. А. Кудрявцев «Первый бурятский ученый Доржи Банзаров», Г. Д. Санжеев «Доржи Банзаров как ученый», Г. Н. Румянцев «Доржи Банзаров как филолог». Эти доклады были опубликованы в трудах института [Санжиев 1995: 41]. В них было широко представлено энциклопедическое образование и научный вклад Доржи Банзарова в мировое востоковедение. Проведение конференции, публикация и популяризация трудов Д. Банзарова Бурят-Монгольским ОК ВКП(б) и правительством были поручены Б. С. Санжиеву, который подготовил и издал монографию о творчестве Доржи Банзарова [1992]. Автор раскрыл богатое научное наследие и значение научных трудов ученого, что позволило ему сформулировать некоторые выводы и пожелания.

1. Ученый по своим воззрениям был материалистом и атеистом, по общественно-политическим взглядам – просветителем, демократом, гуманистом, исследователем передовых мыслителей своей эпохи, русских просветителей-демократов середины XIX столетия. Ему присущ комплексный подход к источнику, предмету исследования, иначе говоря, одновременный поиск и взаимосвязанная трактовка исторических, философских, филолого-лингвистических аспектов на основе сравнительно-исторического метода.

2. Исследователи в подавляющем большинстве анализируют научное наследие Д. Банзарова с позиций историзма и объективности. Они во многом единодушны в оценке его исторических и философских воззрений, лингвистических и этнографических поисков, приведших к выдающимся открытиям. При этом в суждениях одних имеются существенные расхождения, а у других точки зрения не совпадают лишь в нюансах.

3. В ряде случаев исследователи повторяют друг друга. Очевидно, этого избежать невозможно, ибо объектами исследования являются одни и те же источники.

4. Заслуживают специального поиска и исследования письма ученого, его переписки с родными и по службе [Санжиев 1992: 36].

В 1940 г. в ГИЯЛИ был одобрен план издания сочинений Доржи Банзарова – первого бурятского ученого, выдающегося востоковеда, составленный Г. Н. Румянцевым [Санжиев 1995: 48]. Работа по подготовке текста сочинений, переводу статей с иностранных языков на русский, подбору писем, документов, составлению примечаний, обширного и содержательного комментария была выполнена им на высоком академическом уровне [Чимитдоржиев, Лыскова 2003: 23].

В феврале 1946 г. Совнарком БМАССР и обком ВКП(б) обратились с письмом к Президенту АН СССР академику С. И. Вавилову с просьбой об оказании помощи Бурят-Монгольскому научно-исследовательскому институту культуры и экономики (БМНИИКЭ) в публикации подготовленных к печати сочинений Доржи Банзарова. В 1955 г. собрание сочинений ученого было опубликовано в издательстве АН СССР [Санжиев 1995: 48].

В конце XX в. по инициативе профессора Д. Б. Улымжиева было издано второе, дополненное издание сочинений Доржи Банзарова (редкол. В. Ц. Найдаков, Б. В. Базаров, Ц. П. Ванчикова) [Банзаров 1997].

Особое участие в судьбе Доржи Банзарова приняли Осип Михайлович Ковалевский и Александр Васильевич Попов. По их инициативе для учебы в Казанской гимназии, а затем в университете были отобраны четыре бурятских мальчика из числа казаков-инородцев, которые 25 января 1836 г. прибыли в Казань для обучения в сопровождении буддийского ламы Галсана Никитуева. Среди них был Доржи Банзаров [Батуев, Батуева 1993: 67]. В числе сопровождавших был также пятидесятник Иркутского казачьего полка урядник Алексей Лютиков [Шофман 1966: 20].

Первый биограф Д. Банзарова, видный российский археолог, востоковед, член-корреспондент Петербургской академии наук, известный востоковед, П. С. Савельев называл его «ученейшим из монголов, примечательным европейским ориенталистом» [Савельев 1856: 128]. П. С. Савельев в брошюре «О жизни и трудах Доржи Банзарова» в 1855 г. писал: «... Как исследователь среднеазиатской древности он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят показал, что дарования и просвещение могут быть уделом и этого поколения, которое может с гордостью приводить его имя как своего представителя в области науки. Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большее внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров» [Банзаров 1997: 18].

В 1856 г. П. С. Савельевым были изданы письма Д. Банзарова [Труды Восточного отделения. 1858] с его портретом, снятым дагерротипным способом в 1848 г., во время его шестимесячного пребывания в Петербурге [Там же]. Давая оценку его главного труда «Черная вера, или Шаманство у монголов», П. С. Савельев отмечал: «Так верно, светло, философски понимал свой предмет юный кандидат, только что оставивший университетскую скамью, а десять лет назад – дитя природы, росшее среди родных степей. Какая разница между этим разумным воззрением на шаман-

ство и взглядом покойного отца Иакинфа, который довольствовался извлечением из маньчжурского устава описания обрядов и штата китайских шаманов. Можно подумать, что два писателя о шаманстве имели в виду различную публику, и один писал для Европы, а другой – для Пекина, и при том монгол смотрел как европеец, а европеец – как монгол» [Труды Восточного отделения 1858].

Крупный исследователь Центральной Азии Г. Н. Потанин писал: «Черная вера, или Шаманство у монголов» – до сих пор одно из лучших сочинений о сибирском шаманстве». Он высоко оценил произведение Д. Банзарова и поражался той скудости источников, которыми пользовался автор. В 1891 г. Г. Н. Потанин издал труды Д. Банзарова на средства, собранные в результате частного пожертвования, снабдив их биографической статьей о первом бурятском ученом [Банзаров 1997: 19].

«Блеск примечательной личности» нашел отражение и в рецензиях ведущих российских журналов «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин», «Библиотека для чтения» и др. В сентябрьском номере журнала «Современник» в 1855 г. была опубликована рецензия Н. А. Некрасова на брошюру П. С. Савельева. Он писал, что эта брошюра знакомит читателя «с весьма замечательной личностью» [Некрасов 1950: 275]. Молодой Н. Г. Чернышевский на страницах «Отечественных записок» отмечал, что в лице Доржи Банзарова «... современная наука лишилась одного из полезнейших возделывателей, одного из остроумнейших исследователей». Столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» подчеркивала: «Доржи Банзаров – личность чрезвычайно любопытная во многих отношениях, одно из редких показательных явлений в ученом мире. О Банзарове и трудах его почти вовсе не было говорено до сих пор, а кроме того, этот молодой ученый, хотя по своему таланту и званиям имел полное право претендовать на видное место в кругу наших ученых, но по причине кратковременности своей жизни и строгой, чтобы не сказать сухой, специальности той области науки, в которой трудился, еще не успел приобрести известность в публике. Его известность, его решительное влияние на науку, полная определенная характеристика его деятельности – все это пока оставалось еще в будущем; от этого будущего наука ждала многого...» [Банзаров 1997: 18–19].

Ссылаясь на исторические источники середины XIX в., Н. П. Шастина писала: «В 1855 г. в Иркутске в возрасте 33 лет умер Доржи Банзаров, первый бурятский ученый и общественный деятель. Д. Банзаров создал ряд талантливо написанных исследований в области истории, филологии и философии. Все свои работы Доржи Банзаров разрабатывал на уровне новейших воззрений передовой мировой науки. Этому способствовало то, что Д. Банзаров знал до десятка иностранных языков, включая французский, немецкий, английский, т. е. он прекрасно знал современное ему состояние западноевропейской науки и литературы. Всё это помогло ему сделать самостоятельные шаги в науке» [1962].

О внезапной смерти Д. Банзарова генерал-губернатор Н. Н. Муравьев послал срочное сообщение в столицу. По высочайшему рескрипту в последний путь «титularного советника» и «чиновника по особым поручениям» должен был сопровождать сам генерал-губернатор. Дело в том, что Д. Банзаров был чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, начав служить с 1850 г., а с 19 апреля 1853 г. Доржи Банзаров был произведен в титулярные советники и потому мог претендовать на дворянское звание.

Газеты сообщали подробно о похоронах Д. Банзарова. В корреспонденциях сообщалось, что тело ученого бурята было положено на погребальные дроги в виде пышной колесницы, над ним возвышался в яркой мантии Гомбо-лама (высший чин в ламаистском вероисповедании), а в желтых шелковых одеждах, читая буддийские молитвы, следовали за дрогами ламы, а за ними шли представители светской власти,

архимандрит Аввакум, за которыми следовали многочисленные толпы иркутского народа: чиновники, мелкий люд, простые буряты. Процессия прошла по Большой и Ланинской улицам и направилась к Знаменскому кладбищу. Через несколько лет М. В. Загоскин уже не смог найти могилу Д. Банзарова. В исторической литературе спорной остается и точная дата смерти Доржи Банзарова [Ким 1992: 43–46; Улымжиев 1994: 69].

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона была опубликована статья о бурятском ученом «Банзаров Дорджи». Впервые в светской российской и мировой науке в трудах Д. Банзарова были отражены знания о древнейшей системе религиозных верований азиатских народов – шаманизме, ныне определяемой как тэнгэризм или тэнгрианство.

Казанский период жизни ученого

Казанский период жизни и обучения в формирующейся советской монголоведной историографии Доржи Банзарова был наиболее квалифицированно проанализирован в работе А. С. Шофмана, летописца истории Казанского государственного университета, длительное время работавшего заведующим кафедрой всеобщей истории. Проанализировав сведения о Казани 30–40 гг. XIX в., гимназии и университете того времени, воспоминания современников, А. С. Шофман определил, что «эти воспоминания писались в разные годы, в различных условиях, людьми разных политических направлений. Поэтому наряду с важными и интересными сведениями, которые сообщаются современникам, в них встречается много субъективного. Это заставило нас проверить каждое указание другими видами источников, особенно архивными, а также местной периодической прессой» [1966: 8]. Именно им была дана одна из первых в советском востоковедении историографическая оценка научного наследия Д. Банзарова: «Доржи Банзаров был не только первым бурятским ученым, он, вместе с тем, был и выдающимся лингвистом, внесшим большой вклад в различные отрасли нашего отечественного востоковедения» [Там же: 3].

Овладению светскими науками в Казанской гимназии Доржи Банзаровым в советско-российской историографии были посвящены публикации многих ученых [Петров 1943: 76; 1944: 85–90; 1954: 286–296; Кудрявцев 1940: 232–240; История Бурят-Монгольской АССР 1954: 216–267; Шофман 1956: 20–54; Ким 1992: 12–21; Батуев, Батуева 1993: 67–68]. Так, А. С. Шофман отмечал: «В первый учебный год на монгольском отделении из казеннокоштных числились шесть учеников: Андрей Рыбушкин, Николай Добронравов, Доржи Банзаров, Гырыл Будаев, Цокто Чимитов, Доржи Буянтуев» [1956: 28]. «Восточным языкам в последних двух классах уделялось особое внимание. По монгольскому языку ученики почти ежедневно занимались переводами и толкованием монгольских книг с их грамматическим разбором, историческими и географическими объяснениями, а также изучением положений буддийской религии и китайской философии... По турецко-татарским языкам началось чтение трудных авторов, как прозаических, так и поэтических. Прибавился в VI классе еще язык – английский. Таким образом, Банзаров изучал уже 7 языков; четыре восточных – монгольский, тибетский, турецкий и татарский, два новых – французский и английский и, наконец, латинский язык. По всем этим языкам он достиг отличных успехов... Шестой класс Банзаров окончил также круглым отличником. На заседании совета гимназии от 5 сентября 1841 г. по случаю окончания годичных испытаний Банзаров вместе с Василием Долгополовым и Василием Ситниковым был награжден похвальной грамотой. В шестом классе Банзаров лишился последнего своего земляка – Будаева. Он был исключен из гимназии, наказан розгами и отдан по высочайшему повелению в солдаты» [Шофман 1956: 44–45]. По сви-

детельству А. С. Шофмана, «в VII классе были введены некоторые существенные коррективы в изучение восточных языков. В октябре 1841 г. члены комитета гимназии решили преподавание восточных языков разделить на 4 разряда: 1) арабско-персидский, 2) арабский и турецко-татарский, 3) монгольский и турецко-татарский, 4) китайский и монгольский [Там же: 51]. Кроме восточных языков Банзаров продолжал изучение языков французского, английского и латинского... По всем предложениям Банзаров, оставив позади себя всех своих товарищей по классу, получил круглые пятерки [Там же].

15 июня 1842 г. совет первой Казанской гимназии вынес постановление о том, что ученику Банзарову, как происходившему из нижевоинского звания и потому не имеющему прав на поступление в гражданскую службу, выдать свидетельство, а за отличные успехи в восточных языках и во всех других предметах «наградить его, Банзарова, золотой медалью, о чем выйти с представлением к г. попечителю Казанского учебного округа». 24 июня попечитель подписал проект свидетельства об окончании Банзаровым первой Казанской гимназии» [Там же: 52].

В отчете министра Государю императору за 1842 г. отмечается, что Банзаров, окончивший отлично гимназический курс, по желанию поступил для дальнейшего образования в университет. Высочайшим повелением отставному пятидесятнику Банзару Борхонову – отцу Банзарова из казны было выделено 142 рубля серебром «в поощрение похвальных усилий к образованию сына его – Доржи Банзарова» [Там же: 50]. В официальных документах подчеркивается, что министерство обратило внимание на похвальные усилия Банзарова, «на благотворное влияние, какое, несомненно, будет иметь на племена бурятские распространение в таком отдаленном крае образованных чиновников из туземцев. Видя в Банзарове будущего образованного чиновника, правительство содействовало завершению им высшего образования» [Там же: 118].

Учеба и быт Доржи Банзарова подробно проанализированы А. С. Шофманом [1956: 117–137]. В сентябре 1842 г. Д. Банзаров поступил в Казанский университет на философский факультет, имевший восточный разряд. 5 июня 1846 г. он окончил с золотой медалью университет, где изучал монгольский, калмыцкий, маньчжурский, санскрит, турецкий. Свободно читал на немецком, английском, французском и латинском языках.

Еще в студенческие годы Д. Банзаров написал на монгольском языке для бурят-монголов «Всеобщую географию» и «Грамматику монгольского языка», перевел на монгольский язык с французского «Странствование китайского буддиста IV века Фа Саня», с маньчжурского «Путешествия Тулишена Аюб хана», с ойратского «Убаши-гун Тайджи», которые, к великому сожалению исследователей, не сохранились.

2 июня 1846 г. Доржи Банзаров получил диплом кандидата наук за представленную диссертацию на тему «Черная вера, или Шаманство у монголов». Диссертация по решению совета университета в том же году была издана в «Научных записках Казанского университета» [Кн. 3. 1846: 53–120]. В этой работе Д. Банзаров затронул сложную и неразработанную тему, о которой ни русские, ни западные ориенталисты не имели ясного и полного представления» [Санжиев 1992: 9].

Формируя историографическую и источниковую основу диссертации, он скрупулезно изучал документы, критически анализировал сочинения, написанные на русском, монгольском, маньчжурском, китайском, тибетском, немецком, французском и других языках. В разработке теоретических аспектов проблемы, с целью обоснования ее философской концепции, для бурятского ученого важное значение имело сочинение знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта «Космос». Профессор Б. С. Санжиев писал: «В отличие от Гумбольдта, Банзаров в своей диссер-

тации выступил как атеист с материалистическим воззрением: «Черная вера монголов» произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы: внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, явления того и другого – вот что было источником черной веры... Из этих двух сил, которые руководят народом в стремлении его к верованию, природа сильнее действует на младенствующего человека» [1992: 10].

Санкт-Петербургский период жизни ученого

Однако продолжать заниматься научной работой Доржи Банзаров не мог. Ему, как сыну казака, согласно существовавшему закону о воинской повинности, нужно было вернуться в Забайкалье и прослужить двадцать пять лет в казачьей службе. Для того чтобы добиться освобождения от этой повинности, ему пришлось в 1847 г. поехать в Санкт-Петербург для возбуждения ходатайства об исключении его из казачьего сословия. Дело о Доржи Банзарове передали в Сенат, а затем в Государственный совет. Решение этого вопроса затянулось, и Доржи Банзаров в ожидании результатов прожил в столице более полугода. В это время он вел научные исследования в Азиатском музее Санкт-Петербурга и был избран членом-корреспондентом Русского археологического общества. Это время оказалось для ученого весьма плодотворным и полезным. В Петербурге он подружился с известными учеными-востоковедами В. В. Григорьевым и П. С. Савельевым, оказавшими ему теплый, дружеский прием. При их содействии были опубликованы его филологические статьи. Так, например, статья «Пайцзе, или Металлические дощечки с повелениями монгольских ханов» была напечатана в «Записках археологического общества» с предисловием и примечаниями П. С. Савельева. Кроме того, в Петербурге Д. Банзаров сделал описание и составил каталог книг и рукописей на маньчжурском языке, находящихся в Азиатском музее Императорской Академии наук. Кратковременное пребывание в Петербурге стало лучшей порой в жизни Доржи Банзарова. Огромная эрудиция в области востоковедения и знание иностранных языков быстро вовлекли его в круг столичных ориенталистов. Незадолго до приезда Банзарова в Петербург среди востоковедов – И. Я. Шмидта, с одной стороны, и В. В. Григорьева и И. Я. Бичурина – с другой, разгорелась полемика по вопросам эпиграфики (расшифровки) отдельных монгольских памятников. Доржи Банзаров, вмешавшись в спор, показал себя прекрасным знатоком темы. Ориенталист П. С. Савельев по этому поводу писал: «Доржи Банзаров сделался “львом общества ориенталистов” [Доржи Банзаров 1997: 12].

Иркутский период жизни ученого

В 1850–1855 гг. Д. Банзаров служил в Иркутске чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском. Он снимал небольшую комнату в доме казачьего урядника Бутакова в Любарском переулке между Грамматинской и Ланинской улицами. В этот период Д. Банзаров опубликовал труд «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингисхана» (1851). В 1851 г. был избран членом-корреспондентом Сибирского отдела Русского географического общества и выполнял разнообразные поручения ВСОРГО.

Вопреки сложившейся в советской историографии точке зрения о том, что Д. Банзаров не занимался в Иркутске наукой, профессор Б. С. Санжиев высказывает 9 положений, которые он выделил в качестве опровержения данного представления:

1) ученый внес много исправлений монгольских названий на географических картах: жилых мест, гор, рек, озер, но не успел завершить начатое дело;

- 2) отлично пояснил на карте пункты китайской границы в соответствии с российскими и маньчжурскими данными;
- 3) совершал поездки в Тункинский край для исследования происхождения сойотов и их соседей урянхайцев (тувинцев);
- 4) занимался изучением древних надписей Мангутской пещеры;
- 5) открыл место рождения Чингисхана в пределах России – недалеко от Большого острова (Ехе Арал) по р. Онон – Делюн – Болдок, на правом берегу реки, в семи верстах выше ее течения и трех верстах от Кочуевского караула;
- 6) изучал историю перехода различных монгольских племен через границы в сторону Байкала;
- 7) на полях многих книг сделал многочисленные исправления и переводы к монгольским текстам и переводам с них академика Шмидта, особенно много исправлений сделано к переводу летописи Санан Сэцэна;
- 8) завершил исследование «Объяснения монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингисхана», начатое в Петербурге;
- 9) перевел с монгольского «Путешествие Зая-хамбы в Тибет» [Санжиев 1992: 34].

В отношении исполнения Д. Банзаровым чиновничьей работы необходимо привести несколько примеров. По замечанию профессора Б. С. Санжиева, Д. Банзаров проявил себя «как принципиальный чиновник и человек при разборе следующих дел: о присвоении главным тайшой Н. Вампиловым 600 рублей серебром из ссуды бурятского населения в связи с «неурожаем трав и хлебов»; привлек к следствию главу Ирино-Харанутского рода Жамбалдоржиева и ламу Тулекенова «за научение людей к выдаче себя за других лиц»; не поддержал жалобы бывшего главного тайши Селенгинской степной думы, известного собирателя фольклора Юмдылык Ломбоцыренова, друга профессора О. М. Ковалевского, на тайшу Н. Вампилова» [1992: 33]. Здесь возникает, на наш взгляд, щепетильный вопрос, связанный с личностями двух главных тайш Селенгинской степной думы. Следствие не подтвердило жалобу на главного тайшу Н. Вампилова, который вступил на эту должность в 1835 г. (правильно 1837 г. – *В. Д.*) после отставки Юмдылыка Ломбоцыренова за растрату общественных и казенных денег. Он (Ломбоцыренов) хотел вернуть себе власть, оклеветав своего преемника Намдака Вампилова, бывшего правителем, когда главный тайша был несовершеннолетним. Д. Банзаров вынудил Ю. Ломбоцыренова дать клятвенное заверение, что он не будет впредь вести «тяжбу и распри» [Там же: 32]. Б. С. Санжиев отмечает, что Д. Банзаров писал коллеге И. Н. Березину: «У меня в руках бывают такие дела, от которых я худею, а другие толстеют» [Там же: 33].

По нашему мнению, Д. Банзаров находился в затруднительном положении: Ю. Ломбоцыренов, будучи тайшой и другом О. М. Ковалевского, содействовал последнему при изучении монгольского языка, являлся ведущим автором летописи «Бичихан запискэ» – сводной хроники селенгинских и других родов бурят, составленной по просьбе О. М. Ковалевского, ходатайствовал за поступление Д. Банзарова с другими мальчиками в Казанскую гимназию. Н. Вампилов подписал письмо в Казань с просьбой о их поступлении. Д. Банзаров не поддержал просьбы Ю. Ломбоцыренова [Дугаров 2004: 146].

Доржи Банзаров с большим уважением относился к декабристам. Его наставник профессор О. М. Ковалевский встречался с ними во время пятилетнего пребывания декабристов в Бурятии (1829–1833). И. Бичурин хорошо знал Н. А. Бестужева – высокообразованного деятеля, встречался с ним в Иркутске и поведал о нем Д. Банзарову. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев (родственник декабристов Муравьевых) три раза навещал Бестужевых в Селенгинске, второй раз

вместе с Д. Банзаровым. Спустя некоторое время Доржи Банзаров снова приехал, теперь с писателем, правителем ВСОРГО И. С. Сельским. Они провели у Бестужевых целых четыре дня. Д. Банзаров и Н. Бестужев быстро нашли общий язык, провели время в «задушевной беседе» о Петербурге, о шаманстве, о заселении Прибайкалья бурятами, что очень интересовало Н. А. Бестужева, который имел публикации по истории, этнографии селенгинских бурят, очерк о Гусином озере. Видимо, в беседу включался и М. А. Бестужев, с интересом изучавший книгу О. М. Ковалевского «Буддийская космогония» (1835 г.). Было много вопросов, составивших предмет заинтересованных разговоров. Тогда же Н. А. Бестужев написал портреты Доржи Банзарова и И. С. Сельского [Санжиев 1992: 33–34].

Соратники Доржи Банзарова

Современником, наставником и другом Д. Банзарова был его земляк – гецулама Галсан Гомбоев. Назначенный комнатным надзирателем, он в первую очередь должен был преподавать восточные языки воспитанникам Казанской гимназии» [Улымжиев 1993]. Галсан Гомбоев не только учил, но и учился сам, слушал лекции О. М. Ковалевского, а с осени 1843 г. вместе с Д. Банзаровым начинает овладевать санскритом. В предисловии к изданию П. С. Савельев писал: «Ученый Доржи Банзаров, так рано похищенный у науки, намеревался издать эту рукопись, хотя находил, что перевод ее труден по сжатости слога, множеству стихов и искаженным мест. Труд этот завершен достойным земляком ламою Галсан Гомбоевым» [Он же 1992: 26].

Другим соратником Д. Банзарова был видный востоковед Алексей Алексеевич Бобровников (г. р. 1821 или 1822, Иркутск – 1865, Оренбург), рожденный у крещеных бурят Кульской церкви Иркутска, получивший образование в Иркутской духовной семинарии и блестяще окончивший Казанскую духовную академию с дополнительным изучением монгольского и калмыцкого языков в Казанском университете. Он подготовил методическое пособие «Грамматика монгольского языка, сочиненная протоиереем Иркутской епархии Александром Бобровниковым». Он же был автором классической «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» и первого перевода эпоса «Джангар» на русский язык.

В бурятоведческой историографии известен и Елифан Сычевский, крещеный иркутский бурят, находившийся в 1830–1840 гг. в Пекине в составе Русской духовной миссии и по возвращении служивший переводчиком маньчжурского языка при Главном управлении Восточной Сибири. Находясь в Пекине, он написал «Грамматику маньчжурского языка» [Ким 1992: 28–29]. Как пишет Н. В. Ким, «к большому сожалению, совершенно не известны факты о связях Банзарова с Сычевским, двух бурят по счастливой случайности приобщенных к миру науки и живших в том же городе [Там же: 20]. Из письма Е. И. Сычевского О. М. Ковалевскому явствует, что он был приглашен Ковалевским занять должность преподавателя маньчжурского языка в Казанском университете. Думается, что, проживая в одно и то же время в Иркутске, Д. Банзаров и Е. Сычевский не могли не знать друг друга.

Заключение

В 1906 г. при отделе Географического общества был образован специальный фонд на сооружение в Иркутске памятника бурятскому ученому Д. Банзарову. На счет в небольших суммах поступали деньги от простого народа. Так, в феврале 1909 г. Цыбденов передал отделу деньги в сумме 525 рублей, собранные среди ламаистов-прихожан Кыренского дацана. Деньги предназначались частью для органи-

зации в музее Географического общества раздела экспозиции предметов буддийского культа, частью на сооружение памятника Доржи Банзарову. К 1916 г. на счету фонда для памятника Д. Банзарову набралось денег в сумме 700 рублей. Поэтому в январе 1916 г. отдел Географического общества решил возобновить вопрос о сооружении памятника. Но революционные события 1917 г. помешали решению этого вопроса.

В 1947 г. именем Доржи Банзарова назван Бурятский государственный педагогический институт, ныне – Бурятский государственный университет. В 1957 г. перед зданием института был установлен памятник ученому работы скульптора А. И. Тимина. Именем Доржи Банзарова названа улица в Улан-Удэ. В родном районе ему установлено два памятника. Обширно представлено научное и мемуарное наследие Д. Банзарова, а в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии регулярно проводятся Банзаровские чтения.

В 1995 г., в период создания Бурятского государственного университета путем реорганизации БГПИ и филиала Новосибирского государственного университета, Бурятский университет оказался безымянным.

27 декабря 2018 г. вступил в силу приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1294 за подписью министра М. М. Котюкова, в соответствии с которым Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет» переименовано в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова».

Литература

Банзаров Д. Собрание сочинений / Д. Банзаров; отв. ред. Д. Б. Улымжиев, предисл. В. Ц. Найдакова; РАН, Сиб. отд-ние, Бурят. ин-т обществ. наук. 2-е доп. изд. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 240 с.

Батуев Б. Б. Очерк истории селенгинских бурят / Б. Б. Батуев, И. Б. Батуева. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994. – 125 с.

ВСОРГО в лицах: библиографический словарь. Вып. 2 / отв. ред. Ю. А. Зуляр, Л. М. Корытный. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. – 114 с.

Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв. Вопросы историографии / В. Д. Дугаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – 489 с.

Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии / В. Д. Дугаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 374 с.

История Бурятии с древнейших времен до начала XX века. Ч. 1. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. – 151 с.

История Бурятии. В 3 т. Т. 3: XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / под ред. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – 573 с.

Ким Н. В. Доржи Банзаров (биографический очерк) / Н. В. Ким // Казанская гимназия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; ОНЦ «Сибирь», 1992.

Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. Очерки: от XVII в. до 60-х гг. XIX в. Кн. 1 / Ф. А. Кудрявцев; Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 242 с.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 9 / Н. А. Некрасов. – М.: Гослитиздат, 1950. – 584 с.

- Петров Л. В.* Доржи Банзаров / Л. В. Петров. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. – 71 с.
- Петров Л. В.* Доржи Банзаров – первый бурятский ученый / Л. В. Петров // Исторический журнал. – 1944. – № 10–11. – С. 85–90.
- Петров Л. В.* Доржи Банзаров – первый бурятский ученый / Л. В. Петров // Новая Сибирь. Кн. 31. – Иркутск, 1954.
- Потанин Г. Н.* Очерк о жизни и деятельности Доржи Банзарова / Г. Н. Потанин // Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов и другие статьи. – СПб., 1891. – 129 с.
- Рупен Р.* Монголы XX в. Ч. 1–2 / Р. Рупен; пер. с англ. А. З. Хамарханова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 81 с.
- Савельев П. С.* О жизни и трудах Доржи Банзарова / П. С. Савельев // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. 2. – СПб., 1856. – 134 с.
- Санжиев Б. С.* Доржи Банзаров: изучение научного наследия (к 170-летию со дня рождения) / Б. С. Санжиев. – Иркутск: Ирк. областная типография, 1992. – 39 с.
- Санжиев Б. С.* Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и в годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: люди и события) / Б. С. Санжиев. – Иркутск; Улан-Удэ: Сибирь, 1995. – 276 с.
- Санжиев Г. Л.* Бурятия. XVII–XIX вв. История. Вып. 4 / Б. С. Санжиев, Е. Г. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – 354 с.
- Труды Восточного отделения Императорского археологического общества (ТВОРАО). Ч. 1. – СПб., 1858.
- Улымжиев Д. Б.* Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863) / Д. Б. Улымжиев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. пединститута, 1993. – 352 с.
- Улымжиев Д. Б.* Воспитанник Казанского университета, первый бурятский ученый Доржи Банзаров (1822–1855) / Д. Б. Улымжиев // Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. пед. ин-та, 1994.
- Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов / Д. Б. Улымжиев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. пед. ин-та, 1994. – 105 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б.* Георгий Никитич Румянцев – ученый-востоковед / Ш. Б. Чимитдоржиев, Лыскокова В. Ц. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 61 с.
- Шастина Н. П.* Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. Т. 2 / Н. П. Шастина; авт.-сост. А. К. Чернигов. – М.: Советская энциклопедия, 1973–1982; БААЛ-ВАШИНГТОН, 1962. – 432 с.
- Шофман А. С.* Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова / А. С. Шофман // Гимназические годы Доржи Банзарова. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1956.

References

- Banzarov D.* Sbranie sochinenij / D. Banzarov; otv. red. D. B. Ulymzhiev, predisl. V. C. Najdakova; RAN, Sib. otd-nie, Buryat. in-t obshchestv. nauk. 2-e dop. izd. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1997. – 240 s.
- Batuev B. B.* Ocherk istorii selenginskih buryat / B. B. Batuev, I. B. Batueva. – Ulan-Ude: Sibir', 1994. – 125 s.
- VSORGO v lichah: biobibliograficheskij slovar'. Vyp. 2 / otv. red. Yu. A. Zulyar, L. M. Korytnyj. – Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2012. – 114 s.
- Dugarov V. D.* Vzaimootnosheniya Rossii i Mongolii v XVII–XIX vv. Voprosy istoriografii / V. D. Dugarov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2004. – 489 s.
- Dugarov V. D.* Rossijskaya istoriografiya istorii Mongolii / V. D. Dugarov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2014. – 374 s.
- Istoriya Buryatii s drevnejshih vremen do nachala XX veka. Ch. 1. – Ulan-Ude: Belig, 2009. – 151 s.
- Istoriya Buryatii. V 3 t. T. 3: XX–XXI vv. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 464 s.
- Istoriya Buryat-Mongol'skoj ASSR. T. 1 / pod red. A. P. Okladnikova. – Ulan-Ude: Buryat-Mong. kn. izd-vo, 1954. – 573 s.

Kim N. V. Dorzhi Banzarov (biograficheskij ocherk) / N. V. Kim // Kazanskaya gimnaziya. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN; ONC «Sibir'», 1992.

Kudryavcev F. A. Istoriya buryat-mongol'skogo naroda. Ocherki: ot XVII v. do 60-h gg. XIX v. Kn. 1 / F. A. Kudryavcev; Buryat-mongol'skij gosudarstvennyj nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. – 242 s.

Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. T. 9 / N. A. Nekrasov. – M.: Goslitizdat, 1950. – 584 s.

Petrov L. V. Dorzhi Banzarov / L. V. Petrov. – Ulan-Ude: Burmongiz, 1943. – 71 s.

Petrov L. V. Dorzhi Banzarov – pervyj buryatskij uchenyj / L. V. Petrov // Istoricheskij zhurnal. – 1944. – № 10–11.

Petrov L. V. Dorzhi Banzarov – pervyj buryatskij uchenyj / L. V. Petrov // Novaya Sibir'. Kn. 31. – Irkutsk, 1954. – S. 286–296.

Potantin G. N. Ocherk o zhizni i deyatelnosti Dorzhi Banzarova / G. N. Potantin // Banzarov D. Chernaya vera, ili Shamanstvo u mongolov i drugie stat'i. – SPb., 1891. – 129 s.

Rupen R. Mongoly XX v. Ch. 1–2 / R. Rupen; per. s angl. A. Z. Hamarhanova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2004. – 81 s.

Savel'ev P. S. O zhizni i trudah Dorzhi Banzarova / P. S. Savel'ev // Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo arheologicheskogo obshchestva. Ch. 2. – SPb., 1856. – 134 s.

Sanzhiev B. S. Dorzhi Banzarov: izuchenie nauchnogo naslediya (k 170-letiyu so dnya rozhdeniya) / B. S. Sanzhiev. – Irkutsk: Irk. oblastnaya tipografiya, 1992. – 39 s.

Sanzhiev B. S. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' i nacional'no-kul'turnoe stroitel'stvo Sovetskoj Buryatii v kanun i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (Stranichki vospominanij: lyudi i sobytija) / B. S. Sanzhiev. – Irkutsk; Ulan-Ude: Sibir', 1995. – 276 s.

Sanzhiev G. L. Buryatiya. XVII–XIX vv. Istoriya. Vyp. 4 / B. S. Sanzhiev, E. G. Sanzhieva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1999. – 354 s.

Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo arheologicheskogo obshchestva (TVORAO). Ch. 1. – SPb., 1858.

Ulymzhiev D. B. Buryatskij uchenyj-vostokoved Galsan Gomboev (1818–1863) / D. B. Ulymzhiev. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. pedinstituta, 1993. – 352 s.

Ulymzhiev D. B. Vospitannik Kazanskogo universiteta, pervyj buryatskij uchenyj Dorzhi Banzarov (1822–1855) / D. B. Ulymzhiev // Stranicy otechestvennogo mongolovedeniya. Kazanskaya shkola mongolovedov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. ped. in-ta, 1994.

Ulymzhiev D. B. Stranicy otechestvennogo mongolovedeniya. Kazanskaya shkola mongolovedov / D. B. Ulymzhiev. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. ped. in-ta, 1994. – 105 s.

Chimitdorzhiev Sh. B. Georgij Nikitich Rumyancev – uchenyj-vostokoved / Sh. B. Chimitdorzhiev, Lyksokova V. C. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2003. – 61 s.

Shastina N. P. Irkutskie povestvovaniya. 1661–1917 gody. V 2 t. T. 2 / N. P. Shastina; avt.-sost. A. K. Chernigov. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1973–1982; BAAL-VASHINGTON, 1962. – 432 s.

Shofman A. S. Kazanskij period zhizni i deyatelnosti Dorzhi Banzarova / A. S. Shofman // Gimnazicheskie gody Dorzhi Banzarova. – Ulan-Ude: Buryat-Mong. kn. izd-vo, 1956. .